

## ГРАНИЦЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В статье представлен современный подход к вопросу о переводимости/непереводимости и границах переводимости юридических текстов. Полной переводимости юридических текстов препятствуют лингвистические факторы: 1) категоризация действительности (несовпадение понятия термина в исходном языке — ИЯ и переводящем языке — ПЯ); 2) наличие этнографических лакун (отсутствие и понятия, и термина в ПЯ); 3) отличия в стилистических традициях ИЯ и ПЯ (разные стилистические компоненты текстов ИЯ и ПЯ). Также затрудняют переводимость некоторые элементы, отражающие содержание юридического текста: 1) чуждость юридического понятия культуре и восприятию адресата перевода (необоснованность и невозможность существования понятия в ПЯ); 2) отсутствие лингвистического жанра в принимающей культуре (алгоритм подачи текстовой информации нетипичен для ПЯ).

*Ключевые слова:* переводимость, границы переводимости, перевод, прием перевода, репрезентативный перевод, юридическая терминология.

Вопросы переводимости/непереводимости художественных текстов описаны достаточно подробно. Попытка анализа границ переводимости юридических терминов определяет актуальность данной статьи. Объектом исследования выступают юридические термины, не имеющие прямых эквивалентов в переводящем языке.

Научная новизна работы состоит в комплексном подходе к анализу единиц перевода, объединяющем основы теории перевода и анализ семантических полей терминов и контекста для обоснования выбора репрезентативных вариантов перевода. Цель статьи заключается в выявлении факторов и явлений, определяющих границы переводимости юридических терминов. Данная цель предполагает решение следующих задач: отобрать юридические термины, наглядно демонстрирующие неполную переводимость; проанализировать их текстовое употребление с целью выявления национально-культурных особенностей; установить элементы, оставшиеся за рамками репрезентативного перевода. Анализ материала осуществлялся с использованием описательного метода, сопоставительного метода и посредством применения компонентного анализа.

Переводческая деятельность связана с репрезентацией информации одного языка средствами другого языка. Понятие репрезентативности перевода было сформулировано еще В. Н. Комиссаровым в книге «Слово о переводе» (1973) и детально разработано С. В. Тюленевым, по мнению которого репрезентативность перевода не предполагает текстовой полноты, не всегда необходимой для решения тех или иных коммуникативно обусловленных задач. Кроме того, стремление к репрезентативности, в отличие от достижения

## LIMITS OF TRANSLATABILITY OF LEGAL TERMS

The article presents a modern approach to the issue of translatability/untranslatability and the limits of translatability of legal texts. Full translatability of legal texts is hindered by linguistic factors: 1) categorization of reality (discrepancy between the concept of a term in the source language (SL) and the target language (TL); 2) the presence of ethnographic gaps (the absence of both concepts and terms in the TL); 3) differences in the stylistic traditions of the SL and TL (different stylistic components of the texts of SL and TL). Some elements reflecting the content of the legal text also complicate translatability: 1) the alienation of the legal concept to the culture and perception of the recipient of the translation (groundlessness and impossibility of the existence of the concept in the TL); 2) the absence of a linguistic genre in the host culture (the algorithm for presenting textual information is not typical for the TL).

*Keywords:* translatability, limits of translation, translation, translation technique, representative translation, legal terminology.

адекватности или эквивалентности, позволяет сконцентрироваться на процессе осуществления переводческой деятельности именно с точки зрения сохранения в окончательном тексте перевода важнейших черт оригинала, в частности его темы, цели, тона и авторского намерения [1, с. 150]. неизбежно возникают вопросы: Всегда ли возможно достигнуть репрезентативности? Если репрезентативность не достигнута, считается ли это признаком непереводимости?

Проблема переводимости/непереводимости имеет долгую историю. Традиционно цитируют видных лингвистов XIX–XX вв. (В. Гумбольдта, А. А. Потебню, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа), которые разделяли идею о непереводимости текстов, поскольку у владеющих ими народов не совпадают лексико-грамматические и эмоционально-стилистические структуры, отражающие особенности менталитета и культурных представлений (см. об этом: [2]). Следовательно, минимальна вероятность совпадения слов двух языков и еще менее вероятно совпадение словосочетаний, составленных из различающихся между собой слов.

Противоположенный подход связан с постулированием всепереводимости на основании того, что языки изоморфны. Сторонниками данного подхода рассматриваются языковые универсалии и устанавливаются принципы, присущие всем языкам. Далее, формулируются положения о возможности перевода с любого языка на любой при полном соответствии означающего означаемому. Сторонниками всепереводимости были А. Арно, К. Лансло, Н. Хомский, Ж. Мунен, Э. Кошмидер (см. об этом: [1, с. 20–21]).

В советской школе переводоведения был принят принцип переводимости, обобщенный в работах А. В. Фёдорова [3].

Основанием принципа служило признание факта сходства мышления людей независимо от их национальной и этнической принадлежности. Универсальность мышления предполагает возможность перевода при наличии разной степени потерь по сравнению с оригиналом. Как правило, потери связаны с планом выражения, а не с планом содержания, и информация может быть передана описательно. Наибольшее количество потерь наблюдается при переводе художественных текстов, где роль формы имеет художественную ценность и нуждается в эффективной трансформации, по сравнению со специальными текстами, где расхождения в форме не существенны, и основной задачей является репрезентативная передача значений терминов.

Сегодня российские ученые придерживаются позиции переводимости любого текста при определенных условиях. Такими условиями называют:

1) «границы переводимости», которые неопределенны, изменчивы и зависят от конкретной пары языков и культур, а также от личного видения переводчика, т. е. от его субъективного восприятия исходного текста (далее — ИТ) и его воплощения в переводящий текст (далее — ПТ) [1, с. 23];

2) «принцип относительной переводимости», при котором отправной точкой становится признание динамичных изменений между языком, мышлением и восприятием действительности, стимулирующие процесс познания путем внесения новой информации из исходного языка (далее — ИЯ) в переводящий язык (далее — ПЯ), которую необходимо креативно переосмыслить и заполнить пробелы, существующие в ПЯ [4, с. 141];

3) «степень переводимости», которая предполагает потенциальную возможность перевода, являющегося составной частью межкультурной коммуникации, так как он делается преимущественно для тех, для кого оригинал по незнанию языка недоступен; этому сопутствует взаимообогащение языков и взаимообогащение культур. «На каждом новом историческом этапе развития общества переводимость становится всё более полной, чему способствует всё большая общность национальных языков и культур» [5, с. 141].

Проблема переводимости терминов системы общего права и цивилистического права обусловлена принципиальным несовпадением разных по происхождению и функционированию источников права, а также структур, систем и институтов. Основными источниками общего права признаются прецеденты, доктрины (часто применяется доктрина «разумного человека»), комментарии к судебным решениям. Главными источниками цивилистического права считаются кодексы и нормативные акты. Затруднительно проводить параллели при сопоставлении судебных систем, законодательных и исполнительных органов, правоохранительных органов и структуры юридической профессии, поскольку все эти единицы самобытны и уникальны. Более того — при переводе терминов с русского языка на английский язык часто следует проводить анализ как минимум двух термин-систем — британской и американской — и только после этого принимать переводческое решение. Таким образом, при переводе необходимо опираться скорее на элементы дискурса, а не на термин как таковой. А. Вагнер, К. С. Син

и Л. Ченг считают, что смещение акцентов с термина на дискурс облегчает процесс перевода и предполагает взаимозамену сегментов данной дисциплины, перекомбинирование знаний в специализированной сфере, что в результате способствует созданию «гибридных текстов» [6, р. 28] (здесь и далее перевод наш. — Н. К., Ю. К.). Подобной точки зрения придерживается и А. Акбари, полагая, что из-за различий правовых источников и дискурсов ИТ и ПТ юридический перевод следует осуществлять, опираясь на сравнительный анализ и «юридические условия» [7, р. 11].

П. Ньюмарк отмечает, что и текст, и перевод ориентированы на конкретный объект (thing-bound) [8, р. 155]. Если объекты отличаются в текстах ИЯ и ПЯ, следует максимально сохранять концепты, применяя описательный перевод. В таком случае в тексте ПЯ появляются элементы, содержащие концепты другой терминологической системы, требующие пояснения или толкования. Данное положение соответствует рассмотренным ранее подходам российских лингвистов к описанию переводимости, отмечающих стимуляцию процесса познания внесением новой информации в ПЯ и, как следствие, взаимообогащение ИЯ и ПЯ.

Существуют некоторые факторы, препятствующие полной переводимости. Применительно к художественным текстам В. В. Сдобников разграничивает факторы и явления, относящиеся не к формальной, а к содержательной стороне текста. Среди лингвистических факторов выделяют: 1) различия категоризации действительности; 2) наличие этнографических лакун; 3) стилистические особенности произведения с использованием низших уровней языка; 4) вставка в текст оригинала диалектизмов для создания определенного коммуникативного эффекта; 5) установка автора ИТ на формалистические трюки и заумь; 6) игра слов; 7) варваризмы. Факторы, препятствующие переводимости с точки зрения содержания, включают: 1) чуждость культуре и восприятию адресата перевода; 2) отсутствие лингвистического явления в принимающей культуре (отсутствие жанра, формы и т. д.) [5, с. 120–137].

Классификацию факторов, препятствующих полной переводимости, можно применить и к специальным текстам, в частности к юридическим, но в сокращенном виде, поскольку многие факторы, а именно те, которые связаны с созданием авторских стилистических особенностей, не актуальны для терминологии. Среди лингвистических факторов следует отметить: 1) категоризацию действительности; 2) наличие этнографических лакун. На наш взгляд, стилистический фактор специального текста также будет иметь место, но в несколько другой форме: мы его формулируем как 3) отличия в стилистических традициях. Классификация трудностей переводимости с точки зрения элементов содержания юридического текста аналогична классификации, применимой к художественным текстам: 1) чуждость культуре и восприятию адресата перевода; 2) отсутствие лингвистического явления в принимающей культуре (отсутствие жанра, формы и т. д.).

Как правило, категоризация действительности в разных языках не совпадает. Традиционно в паре «русский — английский» языки отмечается несовпадение грамматических форм (например, отсутствие перфекта в русском

языке), различия в актуальном членении предложения (введение рематического компонента в начале высказывания в английском тексте, что недопустимо для русского языка), расхождение в структуре семантических полей. Последний фактор — самый частотный при определении границ переводимости как в общелитературном языке, так и в юридической терминологии. Категоризация действительности юридической сферы жизни россиян, англичан и американцев имеет отличия. Например, в арбитражном процессе Российской Федерации один из этапов подготовки дела к судебному слушанию — «раскрытие доказательств». Суд по ходатайству стороны может истребовать доказательство у другой/их сторон/ы процесса. Однако в кодексе отсутствует информация о том, как суд должен решать вопрос об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства об истребовании доказательств. За невыполнение данного требования предусматривается наложение незначительного штрафа. Поэтому на практике такого рода ходатайства игнорируются участниками процесса и каждая сторона полагается на те доказательства, которые имеют у нее на руках.

В Англии и Уэльсе право на раскрытие доказательств существует с середины XIX в. До недавнего времени оно подразумевало обязательное предоставление любых материалов по делу, которые, по разумному предположению, содержат информацию, прямо или косвенно позволяющую запрашивающей стороне усилить ее позицию или ослабить позицию противной стороны [9, с. 17]. Из-за серьезного затягивания дел процедура раскрытия доказательств была упрощена. Сегодня там применяются Правила гражданского процесса (Civil Procedure Rules). Ранее использующийся термин *discovery* — «раскрытие документов» был заменен на термин *disclosure*, дословно — «обнаружение документов». Суть изменений состоит в том, что до суда обе стороны обязаны предоставить друг другу список документов по делу без вмешательства суда, и при необходимости каждая из сторон имеет право проинспектировать интересующий ее документ, т. е. ознакомиться с ним в полном объеме. Если сторона отказывается раскрыть документы или предоставить информацию, то она рискует мгновенно проиграть дело. Если документы, подлежащие раскрытию, были уничтожены одной из сторон, то она несет уголовную ответственность.

В США существуют процессуальные правила (Federal Rules of Civil Procedure), которые предоставляют сторонам гражданского процесса широчайшие возможности получения доказательств как от другой/их сторон/ы, так и от третьих лиц [10]. Используется термин *discovery*, дословно — «обнаружение». Стороны имеют серьезные возможности по досудебному истребованию друг у друга документов и информации, причем силами самих сторон и их адвокатов, т. е. без вовлечения в этот процесс суда. Неприятный фактор данной процедуры — то, что истец получает возможность проведения так называемых «рыболовных экспедиций» — *fishing expeditions*. Этот термин означает, что часто целью подачи иска становится не столько судебное разбирательство по изложенным в иске фактам, сколько сбор информации для возможного прогнозирования и манипули-

рования фактами с целью усилить свою позицию и изложить ее усовершенствованный вариант в исковом заявлении. Это может негативно сказаться на положении ответчика, особенно, если он ни в чем не виноват, а также привести к рассмотрению необоснованных исков. В результате возрастает судебные расходы.

Как видно из примеров, семь терминов *раскрытие доказательств*, *disclosure* и *discovery* не совпадают. Во всех трех культурах совпадает только сема «процесс предоставления документов по делу другой/им стороне/ам до начала судебного разбирательства». В аутентичных текстах манифестируются отличия в проведении данной процедуры и предполагаемых последствий (в России — незначительный штраф, в Англии и Уэльсе — проигрыш дела или уголовное преследование, в США — необоснованные судебные процессы и удорожание судебных издержек). Таким образом, границы переводимости на уровне лексики при несовпадении категоризации действительности ИЯ и ПЯ часто обусловлены различиями семантических полей соответствующих терминов.

Второй лингвистический фактор, препятствующий полной переводимости, — наличие этнографических лакун (в частности, реалий). Применительно к терминологии можно говорить о наличии культуроспецифичных терминов, по сути, схожих с культурными реалиями (словами или словосочетаниями, обозначающими объекты жизни одного народа, но чуждыми другому народу), отличающихся от них сферой бытования, ограниченной рамками специальных терминологий. Термин *coroner*, обозначающий должностное лицо, участвующее в производстве по уголовным делам в Великобритании, культуроспецифичен. *Коронер* устанавливает причину смерти до стандартного судебного разбирательства в тех случаях, когда она не очевидна. Его цель заключается в представлении суду доказательств в пользу естественной или насильственной смерти усопшего. В последнем случае дело передается в соответствующую инстанцию для дальнейшего расследования уголовного дела и поимки убийцы [11, с. 93].

Ни одна из сем термина-реалии не представлена ни в американском варианте английского языка, ни в русском языке. Переводя данный термин на русский язык, необходимо применять соответствующие приемы перевода, а именно — переводческий комментарий и транслитерацию («представитель судебно-следственной службы Великобритании, расследующий дела, с неустановленной причиной смерти на предмет определения состава преступления»; «коронер»). Но даже в переводческом комментарии невозможно компенсировать всю полноту и сложность понятия, связанного с работой данного должностного лица, которое будет восприниматься как чуждое и непонятное явление для носителей американского английского языка и русского языка. Границы переводимости определены различием культур Великобритании, США и России.

Третий лингвистический фактор, препятствующий полной переводимости юридических текстов, — отличие стилистических традиций ИЯ и ПЯ. Особенно показательны тексты юридической переписки, в которых используется разная исторически сложившаяся форма подачи материа-



ла в разных языках и аутентичное оформление. Также при переводе этих текстов с английского языка на русский язык необходимо хорошо владеть аналоговыми клише (*I am writing to inform you that...* / «Настоящим сообщаю...». *If you have any questions please do not hesitate to give me a call.* / «Если возникнут вопросы — звоните в любое время». *Yours sincerely, Yours faithfully, Kind regards...* / «С уважением...»). Важной особенностью текстов юридической переписки на английском языке считается избыточная вежливость, которая нейтрализуется при переводе (опускается слово *please*, фразы *We look forward to hearing from you.* / *We are looking forward to hearing from you.*) [12, с. 92].

Рассмотрим ограничения переводимости нелингвистического характера. Это явления, относящиеся не к формальной, а к содержательной стороне текста. Они идентичны явлениям, характерным при переводе общелитературных текстов. Здесь также выделяются: 1) чуждость культуре и восприятию адресата перевода; 2) отсутствие лингвистического явления в принимающей культуре (отсутствие жанра, формы и т. д.).

В первом случае, так же как и при рассмотрении лингвистических факторов, затрудняющих переводимость, речь идет о реалиях, которые подверглись толкованию в переводе, но некоторые из них могут вызывать удивление и недоумение, порождать вопросы «зачем?» и «почему?» (например, в случае с подразделением профессии адвокатов в Англии на *barristers*, «барристеров», и *solicitors*, «солиситоров»). Необоснованность существующего явления в ИЯ с точки зрения носителей ПЯ оказывает влияние на переводимость этих терминов. В подавляющем большинстве случаев *barristers* и *solicitors* переводят нейтральным термином *advokat*, не отображающим национально-культурную специфику юридической профессии в Англии и Уэльсе. За границами переводимости остается их энциклопедическая информация, а также национально-культурная специфика, обусловленная особенностями менталитета англичан и валлийцев с одной стороны, и россиян с другой стороны.

Показательной иллюстрацией второго случая представляется отсутствие в юридической сфере деятельности в России таких документов, а соответственно, и жанров, как «юридический меморандум», «бриф» и др. *Legal memo* представляет собой культуроспецифичный текст, так как в России такого рода документ не составляется.

The legal memorandum (memo) is the most formal, polished, and comprehensive written document for reporting the result of your legal research. It summarizes and analyses the relevant law and applies it to a particular fact situation... The memorandum might be sent directly to the client or be the basis of other written work... [13, p. 30] («Юридический меморандум — это наиболее формальный, выверенный и точный письменный документ, в котором представлены результаты всех материалов дела. В нем суммируются и анализируются нормы права, применительно к фактической ситуации... Меморандум может быть направлен клиенту или может быть использован как основа для составления другой бумаги...»). Следовательно, «юридический меморандум» — результат правового анализа, подготовленного младшими юристами для адвоката, ведущего

дело, для предоставления информации клиенту и подготовки к судебному разбирательству.

При переводе таких текстов, рассматриваемых как единое целое, необходимо изучить особенности их стиля и установить цель их создания, а также определить их место в системе ценностей юридической документации ИЯ. Далее, имеет смысл транслировать информацию на язык перевода, учитывая прагматику получателя, т. е. поясняя смысл элементов, чуждых культуре носителей ПЯ. В юридическом меморандуме таковыми признаются положения, которые надо доказать, чтобы выиграть дело, подкрепленные фактами и ссылками на законы, которые удалось собрать в ходе подготовки дела к слушанию. Так как системы судопроизводства в англоговорящих странах общего права отличаются от российской гражданско-правовой традиции, отличается и логика аргументации по делу. В общем праве важно подобрать нужный прецедент и доказать его соответствие фактам текущего дела. В гражданском праве предоставляется толкование закона, неоднозначные формулировки которого позволяют аргументировать его разными способами. В результате перевода такого текста создается документ, чуждый правовой системе ПЯ. За границами переводимости остается фактор системности юридического меморандума, так как получатель перевода не имеет представления о его обязательном месте в системе документации по разбираемому делу.

Таким образом, переводимость юридических терминов имеет границы. Они обусловлены такими лингвистическими факторами, как частичное или полное отсутствие соответствующих сем репрезентативных терминов ИЯ и ПЯ и различиями в стилистических средствах (клише, лексемы «избыточной» вежливости в английском языке) ИЯ и ПЯ, поскольку картины мира разных народов не совпадают. Границами переводимости нелингвистического характера, относящимися к содержательной стороне текста, выступают: 1) необоснованность существующего явления в ИЯ с точки зрения носителей ПЯ и невозможность существования явления ИЯ в культуре ПЯ; 2) чуждость подачи информации в тексте правовой культуры ПЯ, отсутствие определенного места аутентичного юридического документа в непосредственной правовой системе ПЯ.

Тема исследования может быть расширена посредством анализа большого массива юридических терминов, перевод которых затруднен по лингвистическим и экстралингвистическим причинам. Возможно выявление неисследованных факторов, определяющих границы переводимости.

1. Тюленев С. В. Теория перевода : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2004. 336 с.

2. Нурыева Л. Х. К вопросу о переводимости // Вестн. Башкир. ун-та. 2007. Т. 2, № 2. С. 44–46.

3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М. : Филология Три, 2002. 414 с.

4. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие. М. : Академия, 2008. 368 с.

5. Сдобников В. В. Теория перевода : учеб. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 448 с.

6. Wagner A., Sin K. K., Cheng L. Cultural Transfer and Conceptualization in Legal Discourse // *The Ashgate Handbook of Legal Translation*. Surrey : Ashgate Publishing Limited, 2014. P. 27–41.

7. Akbari A. How to Raise Quality Assurance in Legal Translation: The Question of Objectivity? // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2018. № 53. P. 7–30.

8. Newmark P. *A Textbook of Translation*. Hempstead : Pearson Education Limited, 1988. 311 p.

9. Andrews N. *The Modern Civil Process. Judicial and Alternative Forms of Dispute Resolution in England*. Germany : Mohr Siebeck, 2008. 318 p.

10. *Federal Rules of Civil Procedure (FRCP)*. Rule 26. U.S. : Government Printing Office Washington, 2014. 170 p.

11. *Oxford Dictionary of Law* / Elizabeth A. Martin. Oxford : Market House Books Ltd, 2003. 551 p.

12. Kalmazova N. Teaching Law Students Pre-Translation Text Analysis // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2016. T. 45, № 58. C. 87–96.

13. Gannage M. *Structure Your Legal Memorandum // Perspectives: Teaching Legal Research and Writing*. 1999. Vol. 8. P. 30–34.

© Калмазова Н. А., Кузнецова Ю. А., 2020

УДК 801.52:159.955

Науч. спец. 10.02.20

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-82-86

*E. B. Maksimjuk*

*E. V. Maksimjuk*

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ  
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГРАНИЦ ПОНЯТИЯ  
«ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО»  
С УЧЕТОМ ВОЗРАСТНЫХ  
ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЦИПИЕНТА  
(на материале сериала «HOUSE M.D.»)**

В статье сравниваются особенности коммуникативно-речевого поведения взрослых и детей в рамках понятия «личное пространство» в оригинале произведения и в его переводе. Освещаются социально и культурно допустимые и недопустимые формы речевого поведения в отношении личного пространства взрослого друга и маленького ребенка, вскрываются экстралингвистические факторы, определяющие специфику границ понятия «личное пространство» в разном возрасте. В статье личное пространство представлено как континуум действий, событий и оценок, опирающийся на представления человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности. В силу недоформированности и субъективности образа мира ребенок не может сам расставить акценты значимости предметов и отношений и нуждается в мониторинге, хотя сам того не осознает и часто не признает. В зрелом возрасте личное пространство и личная неприкосновенность сродни синонимам.

*Ключевые слова:* личное пространство, возрастная детерминация, фрейм, социоллингвистика, моделирующая функция.

**A COMPARATIVE ANALYSIS  
OF REPRESENTATION  
OF THE BOUNDARIES OF THE CONCEPT  
"PERSONAL SPACE" WITH ACCOUNT  
OF THE RECIPIENT'S AGE FEATURES  
(Based on the "DR. HOUSE M.D." Series)**

The article compares the features of the communicative-verbal behaviour of adults and children within the framework of the concept of "personal space" in the original work and in its translation. It highlights socially and culturally acceptable and unacceptable forms of speech behaviour in relation to the personal space of an adult friend and a small child, reveals the extralinguistic factors that predetermine the specifics of the boundaries of the concept of "personal space" at different ages. In the article, personal space is presented as a continuum of actions, events and assessments, based on a person's ideas about the world, other people, about himself and his activities. Due to the underdevelopment and subjectivity of the image of the world, the child himself cannot highlight the importance of objects and relationships and needs monitoring, although he himself does not realize it and often does not admit it. In adulthood, personal space and personal integrity are akin to synonyms.

*Keywords:* personal space, determination by the age, frame, sociolinguistics, modeling function.

Социоллингвистика изучает социально обусловленную вариативность языковой структуры. Так как предметом анализа выступает вариативность языковой структуры, то именно переменные, а не постоянные величины становятся объектом пристального научного рассмотрения, при этом языковые явления коррелируют с социальными.

Давно была установлена зависимость речевых особенностей индивида от социальных характеристик: уровень

образования, возраст, пол, профессиональная принадлежность и др. Теоретическая и эмпирическая база, накопленная с 1960-х гг., послужила мощным толчком для наиболее интенсивного изучения взаимосвязи и взаимозависимости развития человека и общества.

Американский структуралист К. Пайк [1] разработал теорию структуры человеческого поведения и постулировал наличие определенных единиц поведения, являющихся составными элементами речевой и неречевой деятельности.